

Поволжье в эпоху средневековья

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.178.190>**СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
БОЛГАРА В РАБОТАХ А. П. СМИРНОВА И ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

© 2023 г. Д.Ю. Бадеев

Исследование социальной топографии средневекового Болгара было одним из важных направлений с момента начала планомерных археологических работ в 1938 г. В период работы археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова на Болгарском городище происходит накопление материала и данных о социальной топографии Болгара. Были зафиксированы расположения различных ремесленных комплексов, отмечалась концентрация керамики различных этнокультурных групп. Для характеристики участков Болгара А. П. Смирновым и его последователями использовалась терминология более характерная для русских городов эпохи Средневековья («посад», «слобода»). В наши дни с привлечением широкого спектра предметов материальной культуры, объектов монументальной архитектуры и характерных построек, а также с использованием данных о расположении ремесленных комплексов, размеров усадеб, а также городских некрополей можно выделить для золотоордынского Болгара как минимум четыре крупных района: торгово-ремесленный район, район за рекой Меленка с металлургическим и гончарным производствами, район металлургического производства у Черной палаты и гончарный район у Голландского озера. Единновременно они существовали лишь в первой половине XIV в. Городскую периферию в западной и южной части занимали крупные усадьбы. Принадлежать данные усадьбы могли местной феодальной элите. С административным центром золотоордынского Болгара можно соотнести как историческое ядро города, которое сформировалось на месте домонгольской цитадели, так и участок в районе Малого минарета.

Ключевые слова: археология, Средняя Волга, Золотая Орда, средневековый город, ремесло, городской район.

**SOCIAL TOPOGRAPHY OF THE GOLDEN HORDE
BOLGAR IN THE WORKS BY A.P. SMIRNOV
AND ACCORDING TO THE RESULTS OF NEW STUDIES²****D.Yu. Badeev**

The study of the social topography of medieval Bolgar has been one of the important directions since the beginning of systematic archaeological works in 1938. During the work of the archaeological expedition led by A.P. Smirnov, there was accumulation of the material and data on the social topography of Bolgar. The locations of various handicraft complexes were recorded, the concentration of ceramics of various ethnic-cultural groups was noted. To characterize the Bolgar sites A.P. Smirnov and his followers used terminology more typical for Russian medieval urban settlements («posad», «sloboda»). Attempts to single out city blocks because of craft specialization did not bring noticeable results. Nowadays, with the use of a wide range of objects of material culture, objects of monumental architecture and the features of residential buildings, as well as application of the data on the location of craft complexes, the size of estates, it is possible to allocate at least four large craft districts for the Golden Horde Bolgar: trade and craft district, the area beyond the Melenka river with metallurgical and pottery industries, the area of metallurgical production at the Black Chamber, and the pottery district by the Gollandskoye lake. The districts existed simultaneously just in the first half of the XIV century. The urban periphery in the western and southern parts was occupied by large estates. They could

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² The research was carried out within the State Task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. НИОКТР 122011200266-3).

belong to the local feudal elite. The historical core of the city, on the site of the pre-Mongol citadel, can be associated with the administrative center of Bolgar of the Golden Horde period. Administrative functions could also be performed by residents in the area around the Maly minaret (Small Minaret).

Keywords: archaeology, Middle Volga, Golden Horde, medieval city, craft, urban district.

Вопрос изучения социальной топографии средневековых городов, в том числе восточных и золотоордынских, находится в центре внимания многих современных исследований. Впервые возникший в отечественной археологической науке во многом как необходимое условие для обоснования социально-экономической стратификации населения в рамках феодального общества, сегодня данный вопрос позволяет представить влияние социальной принадлежности, рода занятий, взаимоотношений различных социальных групп на пространственное развитие города. Важной составляющей этих исследований является возможность выделения районов, имеющих какую-либо социальную специфику, ремесленную специализацию или этнокультурную особенность. Конечно, хорошо, когда сведения о социальной топографии опираются на обширную базу письменных источников или сохранившуюся с прежних времен городскую топонимику, тогда археологические данные выступают в качестве ярких вспомогательных данных для уточнения того или иного аспекта жизни древнего города, подтверждая или ставя под сомнение уже имеющуюся информацию.

С первых лет планомерных археологических работ на Болгарском городище вопросы, связанные с социальной топографией древнего города, являлись одними из приоритетных направлений в проводимых здесь исследованиях. В своей главной обобщающей работе «Волжские болгары» (1951 г.) Алексей Петрович Смирнов на основе наблюдений XVIII–XIX вв. и археологических раскопок первой половины XX в. предполагал наличие домонгольской «цитадели», которая размещалась на треугольной формы площадке, образованной Большим Иерусалимским оврагом и крутым склоном берега к руслу реки Меленки. Именно с этой частью городища Алексей Петрович связывал размещение в золотоордынский период феодальной элиты, зная, ссылаясь в своих предположениях прежде всего на упоминание дьяка Михайлова о существовании вблизи с Четырехугольником

(Соборной мечетью) некоего «царева дома» или «царского дворца» (Смирнов, 1951, с. 170). Однако на момент создания указанной выше монографии археологическими работами следов построек, которые можно было связать с «царским дворцом», обнаружено не было. Вместе с тем работами 1939–1940 гг. были изучены руины общественной бани «Красная палата». Масштабность постройки, красочность оформления позволили видеть в ней доказательство проживания в этой части городища населения с высоким социальным статусом.

Следующей частью, которая выделялась Алексеем Петровичем Смирновым на момент исследований середины XX в., являлся участок к западу, юго-западу от «цитадели», где раскопами были выявлены ремесленные комплексы, связанные с обработкой железа, кожи, цветных металлов, стекла и кости. Алексей Петрович полагал, что продолжение исследований в данной части городища «позволит наметить отдельные кварталы» на основе сосредоточенных в них ремесел. К организации городского пространства в виде отдельных ремесленных кварталов подталкивал Алексея Петровича и факт наличия у Голландского озера следов крупных гончарных мастерских. Так, он пишет: «По-видимому, ремесленники (...) селились по кварталам, как это было вообще обычным для средневековых городов. Это одно уже заставляет предполагать существование и в болгарских городах каких-то организаций ремесленников» (Смирнов, 1951, с. 147).

Отдельно Алексеем Петровичем рассматривался вопрос проживания в рамках городского пространства Болгара различных этнокультурных групп населения, прежде всего христиан и выходцев с территории русских земель. Следует отметить работы на северо-западной периферии Болгарского городища, которые были начаты Алексеем Петровичем в 1945 г. у Греческой палаты, где был исследован христианский (армянский) храм и некрополь (113 погребений), датированный XIV в. Освоение данного участка могло произой-

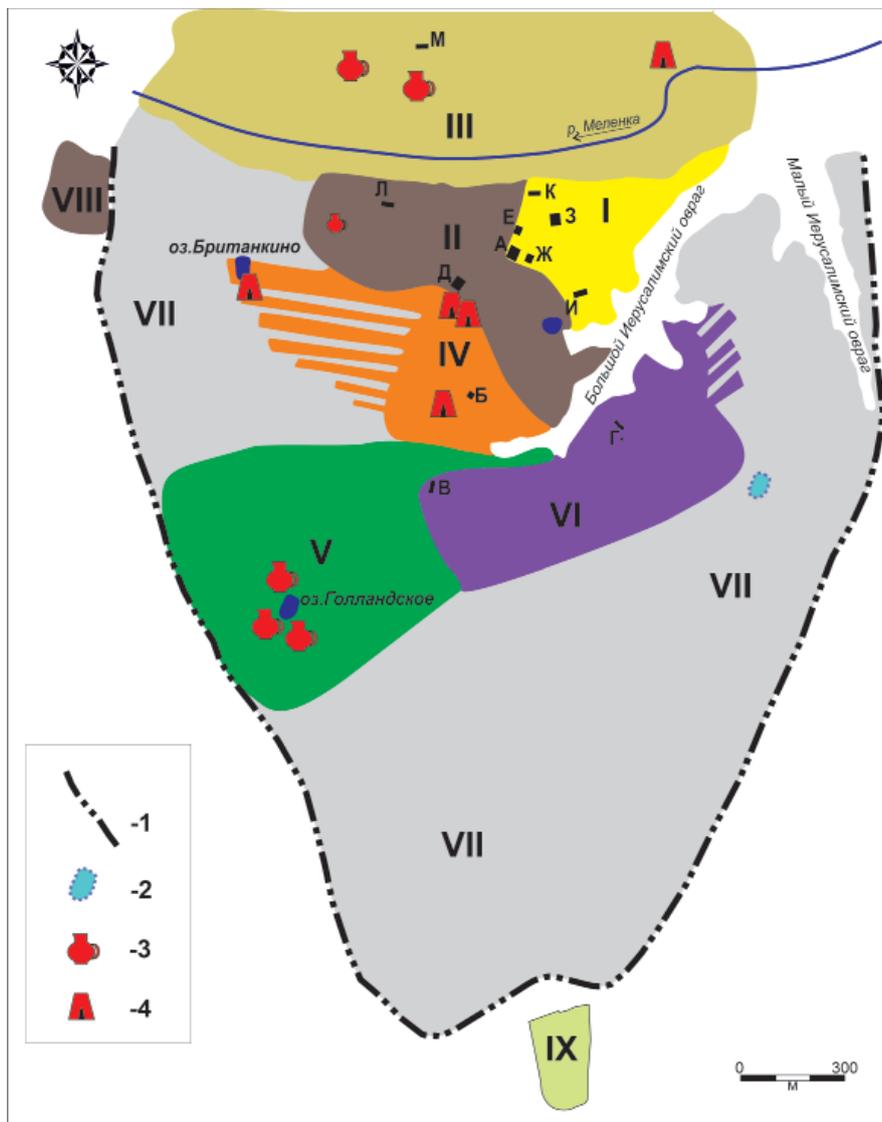

Рис. 1. Схема районов Болгара первой половины XIV в. (1 – линия городских укреплений середины XIV в.; 2 – сезонный водоем; 3 – гончарные горны; 4 – металлургические горны и кузнечные мастерские).

I – центральный район (район домонгольской цитадели); II – ремесленно-торговый район; III – «подгорный» (заречный) ремесленный район; IV – район металлургов и кузнецов; V – район гончаров; VI – административный район; VII – районы крупных усадеб; VIII – «армянская колония»; IX – Малый городок.
 Буквами на схеме: А – Соборная мечеть, Б – Черная палата, В – Белая палата, Г – Малый минарет и «Ханская усыпальница», Д – городской базар, Е – Северный мавзолей, Ж – восточный мавзолей, З – «ханский дворец», И – Восточная палата, К – Красная палата, Л – баня № 2, М – баня № 3.

Fig. 1. Sketch-map of the Bolgar districts in the first half of the XIV century. (1 – line of city fortifications of the middle of the XIV century; 2 – seasonal pond; 3 – pottery kilns; 4 – metallurgical furnace and blacksmith workshops). I – central district (the area of the pre-Mongol citadel); II – craft and trade district; III – «podgorny» (beyond the river) craft district; IV – metallurgists and blacksmiths district; V – potters district; VI – administrative district; VII – large estates areas; VIII – «Armenian colony»; IX – «Maly gorodok» (small town).

By the letters on the scheme: A – Cathedral Mosque, Б – Black Chamber, В – White Chamber, Г – Small Minaret and «Khan's Shrine», Д – urban bazaar, Е – Northern Mausoleum, Ж – Eastern Mausoleum, З – «Khan's Palace», И – Eastern Chamber, К – Red Chamber, Л – bathhouse No2, М – bathhouse No3.

ти и ранее даты функционирования храма с некрополем, на что указывало присутствие лепной керамики. А.П. Смирнова предлагал «пересмотреть датировку слоя около Грече-

ской Палаты и считать, что к IX–X вв. эта территория была освоена человеком и, может быть, уже тогда здесь поселились армянские купцы» (Смирнов, 1958, с. 338). Отдельное

проживание инокультурных групп населения было характерно для многих средневековых городов, в том числе и для золотоордынских. В результате археологических исследований были отмечены отдельные районы проживания русского христианского населения на территории Водянского городища и Укека (Мыськов, Ильина, 2018; Кубанкин, 2012). По письменным источникам известно, что в Сарае жили «разные народы, <...> Асы, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы, Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их» (Греков, Якубовский, 1950, с. 143). Вместе с тем Алексей Петрович отмечал, что «в Болгаре проживали и русские, не составляя, впрочем, отдельной колонии, а живя в массе городского населения», «вместе с коренным населением» (Смирнов, 1951, с. 60, 164). Данное предположение отчасти было подтверждено дальнейшими археологическими исследованиями, прежде всего на месте торгово-ремесленного района золотоордынского Болгара.

В результате археологических работ 50–70 гг. XX в. были получены новые данные о социальной топографии Болгара. На основе выявленных крупных ремесленных комплексов Алексею Петровичу удалось наметить несколько районов, основная хозяйственная деятельность которых была направлена на производство и обработку железа (на восточной окраине заречной части Болгара и вблизи Черной палаты), а также на производство гончарной продукции (запад заречной части города и в районе Голландского озера). При этом для описания и характеристики данных районов зачастую использовалась терминология, более характерная для социальной топографии русских средневековых городов. Так на схеме Болгарского городища появились «посады» и «слободы»: гончарная (вблизи Голландского озера) и металлургическая (в непосредственной близости от одного из отрогов Большого Иерусалимского оврага). Отдельно выделялся ремесленный район у подножия надпойменной террасы, который получил в литературе название «подгорной слободы» (Жеромский, 1953). В качестве района проживания «местной аристократии» Алексеем Петровичем рассматривалась «восточная часть городища», где «были усадьбы знати» (Смирнов, 1974, с. 11). Особый инте-

рес для исследователя представляли раскопки у Малого минарета и Ханской усыпальницы, где Н.А. Аксёновой в слоях конца XIII – первой половины XIV в. были зафиксированы наземные жилые постройки с отопительными каналами. Аналогии данным постройкам «можно указать в Монголии и Средней Азии» (Смирнов, 1974, с. 12). Не вполне ясной оставалась интерпретация Малого городка у южных ворот золотоордынского Болгара. С одной стороны, Алексей Петрович допускал существование здесь «резиденции местного царя», с другой – не исключал его существования в качестве пункта, «где собирали налоги с приезжающих купцов» (Смирнов, 1974, с. 11).

Говорить о границах, внутреннем устройстве и организации пространства данных районов на момент исследований 70-х гг. XX в. было весьма затруднительно. Кроме того, на площади городища оставались значительные «белые пятна». Наиболее полные результаты по социальной и исторической топографии Болгара, основанные на работах экспедиции А.П. Смирнова, были представлены в одной из последних его публикаций «Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары» (1974 г.). Крупномасштабные археологические работы второго десятилетия XXI в. позволяют вновь вернуться к проблеме выделения социальных особенностей районов на территории Болгара золотоордынского периода.

На данном этапе исследований наиболее изученной представляется социальная топография Болгара золотоордынского периода. Среди прочих по степени изученности участков Болгара золотоордынского периода выделяется торгово-ремесленный район, который располагался к западу, юго-западу от Соборной мечети. Район в значительной степени был сформирован в рамках пространства ремесленного района предмонгольского периода, который располагался между внутренней и внешней линиями укреплений. В золотоордынский период данные укрепления перестают функционировать в качестве таковых. На указанной территории в золотоордынский период возникает плотная улично-усадебная застройка. Усадьбы выстраиваются вдоль улиц и примыкают своими оградами друг к другу. Средняя площадь усадеб в данной части города на протяжении второй половины

XIII – середины XIV в. составляла 616–640 кв. м, а с момента возведения здесь в 50-е гг. XIV столетия здания городского базара площадь усадеб сокращается в среднем до 258 кв. м (Бадеев, 2019, с. 301, 303). Усадьбы небольших размеров с высокой плотностью застройки и одинаковой ориентировкой как жилых, так и производственных комплексов в золотоордынском Болгаре конца XIII – первой половины XIV в. были зафиксированы также вдоль края верхней надпойменной террасы (раскопы CLIII, CLXXVII, CLXXXII и др.). В золотоордынский период здесь появляется регулярная улично-усадебная планировка. Большинство фрагментов наземных построек и заглубленных объектов с территории усадеб было ориентировано стенками по сторонам света с небольшими отклонениями. Аналогичную ориентировку имели и сами усадьбы. Средняя площадь этих усадеб в ранний золотоордынский период составляла 300–420 кв. м. На усадьбах в этой части городища присутствовали следы индивидуальных мастерских, которые специализировались на обработке железа, цветных металлов и керамическом производстве (Валиев, Бадеев, 2018, с. 140). Постройки в усадебном пространстве были представлены подвалами с каркасно-столбовыми и срубными конструкциями обшивки материковых стен.

На основе расположения производственных объектов (горнов для обработки цветных металлов), наличия всей производственной цепочки – сырья и заготовки, брак и отходы, готовые изделия, инструментарий, а также скоплений функционально однотипных изделий или заготовок, удалось локализовать ряд производств с точностью до усадьбы. Выявлены на усадьбах и свидетельства активной торговли – характерной формы весы, гирьки и разновесы. Представительная коллекция индивидуальных находок отражает достаточно пеструю этнокультурную и социальную составляющие торгово-ремесленного района. Присутствие на данной территории выходцев с территории русских земель и княжеств не оставляет сомнений. Максимальное количество русской керамики (XIV группа) и предметов христианского культа происходит из прослоек и объектов, датированных второй половиной XIII – первой половиной XIV в.

В этом же районе проживали не только ремесленники и купцы, но и свои дворы

имели представители более высокого социального статуса, о чем свидетельствуют находки импортной керамики и стеклянной посуды, а также изделия из цветных металлов. Кроме того, на ряде усадеб в этой части золотоордынского Болгара в ходе раскопок были зафиксированы признаки, свидетельствующие о содержании здесь ловчих птиц и собак, предназначенных для охоты (Бадеев, Яворская, 2022). Заниматься подобным видом деятельности вряд ли мог позволить себе обычный ремесленник. Нельзя исключать и социальной дифференциации среди представителей различных ремесел: среди них могли быть как лично свободные ремесленники, так и те, кто находился в той или иной степени зависимости от феодала, разместившего их на городской усадьбе. Как и здание центрального городского базара, усадьбы, примыкавшие к нему, пострадали в результате крупного пожара, следы которого зафиксированы на значительной части Болгарского городища, их принято связывать с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г.

С территорией данного района, его северо-западной частью, связано еще одно монументальное строение – здание общественной бани (баня № 2). Баня обеспечивала выполнение санитарно-гигиенических потребностей населения торгово-ремесленного района. Тем же целям служила и линия водопровода из керамических труб. Участок линии водопровода длиной 45,1 м был зафиксирован в раскопе СХII (Баранов, 2001, с. 342). Датировка данного объекта по монетному материалу возможна в рамках 40–50 гг. XIV в. Наличие данных объектов свидетельствует о высоком уровне организации как городского хозяйства Болгара в целом, так и подчеркивает достаток и значение населения рассматриваемого торгово-ремесленного района.

Границы торгово-ремесленного района определяются по характеру планировки – плотная улично-усадебная застройка, организации производства – мастерская в рамках сравнительно небольшой по размеру городской усадьбы, а также расположением городских некрополей второй половины XIII–XIV в., которые располагались к западу (могильник «Бабий бугор»), юго-западу (некрополь у Черной палаты) и востоку (мавзолей Восточная палата). Следует учитывать и окружающий рельеф местность, прежде всего

овраг по южной границе. От центрального участка города (места домонгольской цитадели) торгово-ремесленный район отделялся обширной площадью, которая была сформирована у здания Соборной мечети уже к началу XIV в.

К западу, юго-западу от торгово-ремесленного района в конце XIII – первой половине XIV в. оформляется территория, специализацией населения которой выступает металлургическое производство и кузнечное ремесло. Горны, датированные второй половиной XIII – XIV в., были зафиксированы в раскопах 15 и 17. Планиграфическое расположение района металлургов оказывается связанным с возможным местом расположения оборонительных укреплений предмонгольского периода и улицей конца XIII – XIV в. Среди керамики различных этнокультурных групп населения в этом районе преобладает керамика XIII группы – керамика «типа Джукетау». Приблизительно в 50 м к востоку от металлургических горнов в раскопе СХСХVI (2015 г.) был выявлен кирпичный двухъярусный горн для обжига керамики, который содержал целые формы сосудов XIII группы и относился к концу XIII – началу XIV в. Среди прочих групп керамики из района металлургов можно отметить круглодонные котлы XIX группы. Именно из ремесленных районов золотоордынского города, в том числе и с площадки обработки железа и чугуна, происходит «85% общего количества этой керамики» (Хлебникова, 1988, с. 40, 41). Этот факт отчасти может объяснять схожесть форм керамических котлов с болгарскими котлами из чугуна XIV в. Таким образом, район металлургов к западу, юго-западу от Соборной мечети был представлен преимущественно болгарским населением, вероятно, с вливанием переселенцев из Средней Азии. К сожалению, определить характер застройки и способ организации производства на данном этапе исследований затруднительно. Однако именно здесь для второй половины XIII – XIV в. отмечена максимальная концентрация металлургических горнов, в т. ч. и по выплавке чугуна. Что касается границ данного района, то северная и северо-восточная части района примыкали к торгово-ремесленному району, описанному выше, в качестве границы районов могла выступать одна из магистральных улиц, которые шли как по оси северо-се-

ро-запад – юго-юго-восток, так и в юго-юго-западном направлении от Соборной мечети. Южную и юго-восточную границу данного района мы вправе проводить, опираясь на рельеф местности, такой естественной границей является русло Большого Иерусалимского оврага. Открытым остается вопрос с определением западной границы данного района, исследования в данной части памятника были немногочисленными, можно отметить, что раскопом 5 у Британкина озера также были зафиксированы признаки присутствия кузнечного производства (Хлебникова, 1987, с. 73).

Еще один район, связанный с производством и обработкой железа, был намечен на северо-восточной периферии золотоордынского Болгара, в его заречной части – на правом берегу реки Меленки – раскоп 42. Металлургический горн, зафиксированный в напластованиях раннего золотоордынского слоя, значительно отличался от горнов, располагавшихся на верхней площадке городища: сыродутный глинобитный горн цилиндрической формы с керамическим сосудом на дне и ямой для приема шлака. Металлургический комплекс работал продолжительный период времени, о чем свидетельствуют большое количество железного шлака (1548 экз.) и 30 обломков сосудов-приемников с прикипевшим к ним железным шлаком, а также сопутствующие им раскрошившиеся фрагменты обожженной глины. Горны подобного типа были встречены на территории Восточной Европы X–XIV вв., в том числе и на русских средневековых памятниках (Ефимова, 1956). В непосредственной близости от металлургического комплекса, а также в нескольких десятках метрах к северо-востоку от него (раскоп 36) были зафиксированы «древнерусские бытовые комплексы», нательный каменный крестик, заглубленные постройки, аналогии которым исследователи нашли среди сооружений северо-восточной Руси, а также не свойственный для исламского города видовой состав костных кухонных остатков (высокий процент костей свиньи). Не случайно, что за этим участком городища в историографии закрепилось название «русский поселок» (Хлебникова, 1956, с. 146). Однако незначительная площадь исследований в этой части городища не позволяет установить какие-либо определённые границы данного района, лишь южную границу можно связать с

руском р. Меленки. Нельзя исключать и того, что данный ремесленный район существовал в рамках заречного («подгорного») района золотоордынского Болгара, который получает свое развитие с середины XIII по 60-е гг. XIV в.

О наличии обширного ремесленного района на правом берегу р. Меленки мы можем говорить и при попытке локализации района гончаров в той же заречной части Болгара, где на его западной окраине в ходе археологических работ 50-х гг. XX в. были выявлены четыре гончарных горна, специализировавшихся на выпуске сфероконусов и красноглиняной посуды, ямы для запасов гончарной глины (раскоп 30), а также в непосредственной близости от них (раскоп 25) остатки горна для обжига кирпича. Все указанные объекты были датированы в рамках конца XIII – первой половины XIV в. Очевидно, что подобные крупные производственные комплексы не могли располагаться на территории отдельных индивидуальных, усадебных мастерских, принадлежавших горожанину «средней руки». Если обращаться к форме организации мастерских в заречной части, то, по материалам анализа Г.А. Федорова-Давыдова аналогичных мастерских с Селитренного городища, мы можем соотнести их с крупными мастерскими («кархане»), которые «были в собственности богатых вельмож, купцов, иногда ханов» (Федоров-Давыдов, 1989, с. 238). Работа на таких ремесленных производствах могла осуществляться с применением рабского труда. Сами рабы могли проживать вблизи мастерских. Стоит отметить тот факт, что возникновение ремесленного района в заречной части следует связывать не только с необходимостью выноса пожароопасного производства на городскую периферию, наличием свободного пространства, но и с близостью необходимых для изготовления ресурсов.

И всё же значительную часть населения в заречной части Болгара составляло лично свободное население, это подтверждается присутствием здесь здания общественной бани – баня № 3 (середина XIV в.). «Полное отсутствие поливной керамики и следов декоративного оформления помещений, при обилии других находок, дало основание считать, что баня обслуживала рядовое население, проживавшее на окраине города»

(Шарифуллин, 2001, с. 228). Конец функционирования бани, как и ремесленного района в заречной части Болгара, следует связывать с разрушительными последствиями захвата города Булак-Тимуром в 1361 г. К сожалению, незначительные по площади археологические работы в заречном участке Болгара не позволяют определить границы между ремесленными районами гончаров (в западной части) и металлургов, кузнецов (в восточной части). Затруднительно установить по имеющимся данным и характер жилой застройки этого обширного района золотоордынского Болгара. Очевидно, что на этой территории должны были располагаться и городские некрополи, которые можно соотнести с заречным ремесленным районом.

Иную ситуацию мы можем наблюдать в отношении района гончаров вблизи Голландского озера. Накопленные археологические данные, анализ пространственного расположения характерных находок, жилой застройки, производственной зоны, некрополей, близлежащих монументальных сооружений, линии укреплений, а также особенностей рельефа позволяют определить границы юго-западного района гончаров золотоордынского Болгара. Уже на раннем этапе изучения Болгарского городища, когда на западном берегу Голландского озера в 1948 г. (раскоп 16) было выявлено и исследовано четыре гончарных горна, за данным участком закрепился статус гончарного района, функционировавшего в XIV в. (Смирнов, 1948, с. 80). Вблизи горнов синхронных жилых построек зафиксировано не было. В ходе дальнейших работ у Голландского озера было выявлено еще два крупных комплекса по обжигу керамики: один располагался на северном берегу озера (раскоп LXX) – четыре горна, объединенных общей предгорновой ямой, и ямы для хранения глины; другой на южном берегу Голландского озера (раскоп ССХVI) содержал четыре функционировавших одновременно горна с «общей для всех сооружений большой предгорновой ямой» (Бочаров, 2018, с. 266, 267). Каких-либо жилых построек в рамках раскопа ССХVI обнаружено не было. Как и в случае с гончарными горнами в заречной части Болгарского городища, мастерские у Голландского озера относились к крупным ремесленным производствам. Датировка существования производственных комплек-

сов в районе Голландского озера относится к 30–60-х гг. XIV в.

К северу и северо-западу от Голландского озера в 1969 г. при проведении водопроводной траншеи были зафиксированы наземные (глинобитно-кирпичные печи) и заглубленные (подпольные ямы) части жилых домов гончаров, а также четыре ямы-хранилища гончарных глин – сооружения № 7–10 (Аксёнова, 1969, с. 20–28). Продолжение жилой застройки к востоку и северо-востоку от Голландского озера было прослежено в раскопах 1978–1979 гг. (раскопы LXI–LXIV, LXVI), где были зафиксированы остатки землянок, полуземлянок, подпольев наземных домов, хозяйственных и зерновых ям, в заполнении которых присутствовали следы меднолитейного, железообрабатывающего и косторезного ремесел. Бытовали данные постройки с 20-х гг. XIV в. до разгрома города в 1361 г. (Аксёнова, Полубояринова, 2005, с. 145). Наличие сопутствующих основному гончарному производству иных ремесел и производств, прежде всего ювелирного и косторезного, было отмечено и для гончарных районов Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1989, с. 237, 238). Основные объекты – заглубленные ямы подпрямоугольной формы, связанные с жилыми постройками, – были ориентированы углами по осям северо-восток – юго-запад и образовывали ряды по линии запад – восток. Объекты не нарушали целостности друг друга, что свидетельствует о синхронности их бытования и «регулярности застройки с самого начала обживания прежде необитаемого района» (Аксёнова, Полубояринова, 2005, с. 146). Аналогичный тип застройки был зафиксирован и далее на восток, северо-восток в раскопах CLXIX и CLXX (2012 г.), которые располагались в 215 м к западу от Белой палаты. Вещевой материал из заполнения подполий и хозяйственных объектов не выделялся богатством и разнообразием, в большинстве своем был представлен предметами быта (ножами, железными замками, шарнирными ножницами), присутствовали небольшого размера обрезки и обломки медных пластин, железное долото, а также фрагменты нижеволжских и импортных поливных сосудов. Среди прочих предметов с раскопа CLXIX выделяется выполненная «из местной глины» сепая (Валиев и др., 2014, с. 126). И хотя археологическими исследованиями до сих пор не

установлен факт производства поливной керамики на территории Болгара, данный «инструментарий» с большой долей вероятности мог принадлежать гончару, который по тем или иным причинам не смог наладить изготовление поливной посуды. Еще три сепая с территории Болгарского городища происходили из заполнения отрога Большого Иерусалимского оврага у Белой палаты (раскоп СХХХIII), где они были найдены вместе с 25 тысячами фрагментов керамики и керамического шлака (производственного брака), «что позволяет допустить использование участка <...> в качестве места утилизации производственных отходов» (Бадеев, 2022, с. 160).

С городским некрополем «у западного вала» можно связывать северную границу района гончаров. При прокладке водопроводных труб в 300 м к северу от Голландского озера в траншеях 1976, 1977, 1980 гг. и раскопах LIX, LXXII, LXXIV были выявлены остатки редких жилых сооружений наземного типа и хозяйственных построек начала XIV в. Так как среди находок отсутствовали «фрагменты предметов роскоши, импортных вещей», то авторами работ было высказано предположение, что «здесь поселяются горожане небольшого имущественного достатка» (Аксёнова, 1980, с. 22). К середине XIV столетия на месте этой части городской застройки появляется грунтовый могильник. По наблюдениям Н.Д. Аксеновой, исследовавшей данный некрополь, погребения были выполнены по мусульманскому обряду, «но без строгого соблюдения ориентирования могильных ям на запад – восток», «сохранность костяков очень плоха», «головой все костяки ориентированы на запад или юго-запад», «кладбище, по-видимому, <...> принадлежало рядовым горожанам» (Аксёнова, 1977, с. 18). Приблизительные размеры некрополя могли составлять 100×120 м, было исследовано 39 погребений.

Южную границу района можно провести учитывая плотность застройки, которая к югу от раскопов LXI–LXIV, LXVI была представлена отдельными жилыми объектами, располагавшимися на значительном удалении друг от друга, а также наличием в этой части некрополей вблизи зданий мавзолеев. К середине XIV в. оформляется западная граница района гончаров – возводится линия городских укреплений. Таким образом, общая площадь

района гончаров в юго-западной части золотоордынского Болгара к середине XIV столетия составляла не менее 43,5 га (Бадеев, 2022, с. 160). В состав района входила рабочая зона, сформированная вблизи Голландского озера, зона основной жилой застройки, которая размещалась к северу и северо-востоку от рабочей зоны. Северную часть района занимал некрополь, который, как и весь район гончаров, просуществовал вплоть до 60-х гг. XIV в.

Район, который был отмечен еще и А.П. Смирновым, вблизи Малого минарета и по направлению к Черной палате выделяется концентрацией особого типа наземных жилищ – жилых построек с подпольной отопительной системой и печами типа канов, более характерных для нижеволжской градостроительной традиции. По определению Н.Д. Аксёновой, площадь, занятая подобного типа жилищами, в первой половине XIV в. составляла около 3 га (1973, с. 225). На этой площади было зафиксировано шесть построек с подобной системой отопления. Полностью было исследовано два жилища: одно площадью 89,2 кв. м, другое – 100 кв. м. Жилых построек с иным характером отопления для конца XIII – первой половины XIV в. здесь встречено не было. Отсутствуют в юго-восточной части городища и следы наличия крупных ремесленных производств. Данный факт позволяет видеть в этом районе золотоордынского Болгара некую элитарность. Последнее предположение может подтверждаться и присутствием здания общественной бани «Белая палата». Если обратить внимание на топографию участка с домами указанной системы отопления, то для периода первой половины XIV в. можно наметить следующие границы: северная и северо-западная границы имели естественный характер в виде русла оврага; западнее здания общественной бани «Белая палата» подобные постройки отсутствовали, что позволяет предполагать здесь западную границу данного района; восточная и юго-восточные границы проходили вблизи сезонного водоема, по восточному берегу которого археологическими исследованиями объекты с подпольным отоплением не были выявлены (Баранов, 2016). Самая южная постройка с отопительной системой канового типа на данный момент была зафиксирована в раскопе СХСIV (в 400 м к юго-юго-востоку от

Малого минарета). Авторы раскопа предполагают, что сама постройка «могла иметь какое-то административное назначение: возможно, исследованное здание было рабочим местом некоего должностного лица, например, предназначалась для суда, сбора таможенных пошлин или налогов либо чего-то подобного» (Волков и др., 2023, с. 195). После событий 1361 г. размеры города, где сохраняется плотная жилая застройка, значительно сокращается, а дома с подпольной системой отопления фиксируются уже к северу от Соборной мечети, на территории торгово-ремесленного района, на северо-западной периферии города, вблизи урочища Бабий бугор (раскоп СLXXXIX).

К середине XIV в. у Ханской усыпальницы формируется городской некрополь, который связан с районом расположения построек с подпольным отоплением. Здесь работами М.Г. Худякова и раскопами 49, XXVI, XXIX, XXXIX, XLIX было исследовано 23 погребения, а также несколько небольших мазаров, которые принадлежали социальной верхушке города, исповедовавшей ислам. Среди особенностей данного некрополя следует отметить тот факт, что только здесь преобладают погребения с кирпичными надгробиями – «вымостки или ступенчатые, находящие аналогии в некрополях нижеволжских городов» (Яблонский, 1987, с. 125–127). Просуществовал данный некрополь вплоть до начала XV в.

Основываясь на концентрации в юго-восточном районе домов с подпольным отоплением, наличии находок, свидетельствующих о высоком статусе населения, М.Д. Полубояринова связывает его с местом компактного проживания монгольской администрации (2016, с. 179). Будет допустимым предположить, что в этой части города селились выходцы из столичных, нижеволжских золотоордынских центров, которые выполняли административную функцию. Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая эволюцию системы управления в золотоордынских городских центрах, отмечал, что с начала XIV в. резко усиливается центральная власть и её аппарат представителей: в городах начинают постоянно присутствовать «городские даруги» (ханские наместники), которые были выходцами из аристократических монгольских родов, а их основным занятием становится

сбор налогов (1994, с. 17). Очевидно, что в Болгаре присутствовали и другие представители чиновничьего аппарата: «диван-битикчи» (секретари), «бакши» (писцы), «тамгачи» (таможенники или сборщики податей), «базардэ-турханы» (блюстители порядка на городском базаре), «тартанакчи» («весовщики») и другие.

На сводном плане районов Болгара золотоордынского периода остаются еще значительные «белые пятна» (рис. 1). Часть из них – южная и западная периферии – уже на данном этапе исследований может быть заполнена неплотной застройкой крупных феодальных усадеб. Реконструируемая площадь этих усадеб составляет не менее 840 кв. м. Например, в юго-восточной части городища у естественного сезонного водоема была частично изучена подобная усадьба, которая сформировалась на месте домонгольского и раннеордынского загородного поселения со следами ремесленной деятельности (Баранов, 2016, с. 219–223). Исходя из характера построек на территории усадьбы золотоордынского периода можно говорить о ее сельскохозяйственной направленности. Подобные крупные усадьбы были характерны и для периферийных районов многих золотоордынских

городских центров. Само наличие подобных усадеб на территории городов Золотой Орды, в том числе и Болгара, может быть связано с «особо большими площадями золотоордынских городов, не ограниченных по крайней мере в первые периоды их жизни линией фортификации» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 63). Спорным в наши дни остается и интерпретация назначения Малого городка. Исследования последних лет достоверно позволили установить лишь факт того, что объект не был достроен.

Особое значение для дальнейшего изучения социальной топографии средневекового Болгара будут играть исследования на площадке центральной части городища, где археологическими работами было установлено совместное существование как ремесленных комплексов по обработке цветных металлов, кости и рога, так и присутствие объектов, связанных с феодальной городской верхушкой, – здания общественной бани («Восточной палаты») и «ханского дворца». Малоизученными в археологическом плане остаются и участки, располагающиеся на площадке между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами, а также на северо-западной периферии городища, за линией укреплений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 8-1. С. 20–28.
- Аксёнова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (По материалам раскопок 1967–1971 гг.) // СА. 1973. № 4. С. 218–226.
- Аксёнова Н.Д. Отчет по работам на Болгарском городище в 1977 г. на траншее № 4 при котельной заповедника и на раскопе № LIX / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 55-1. КП-291.
- Аксёнова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 г. на траншеях № 5–6 водозабора и на раскопах 72, 74 (при траншеях) / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 67-1. КП-406.
- Аксёнова Н.Д., Полубояринова М.Д. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 133–156.
- Бадеев Д.Ю. Усадьбы золотоордынского Болгара // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 297–306.
- Бадеев Д.Ю. Ремесленные районы гончаров в золотоордынском Болгаре // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 157–162.
- Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В. Охота как традиционное занятие горожан золотоордынского Болгара (по материалам раскопок к юго-западу от Соборной мечети) // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова / Отв. ред. И.Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН, 2022. С. 140–152.
- Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 319–362.

Баранов В.С. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 192–245.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп ССХVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.

Валиев Р.Р., Бадеев Д.Ю. Результаты археологических исследований на Болгарском городище в 2010 г. (раскоп СLIII) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 137–143.

Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г. Исследования на раскопе СХСIV в юго-восточной части Болгарского городища // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 189–208.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: АН СССР, 1950. 479 с.

Ефимова А.М. Новые данные о болгарской металлургии // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 135–140.

Жеромский Б.Б. Подгорная слобода города Болгары // КСИИМК. Вып. 50 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1953. С. 55–63.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 172–189.

Мыськов Е.П., Ильина О.А. Локализация русских комплексов XIV в. на Водянском городище // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 218–228.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 5–191.

Смирнов А.П. Отчет Болгарской экспедиции 1948 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 219.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 277 с.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 141–147.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

REFERENCES

Aksenova, N. D. 1969. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on Works Conducted at Bolgar Fortified Settlement in 1969)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. № 8-1, 20–28 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 218–226 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1977. *Otchet po rabotam na Bolgarskom gorodishche v 1977 g. na transhee № 4 pri kotel'noy zapovednika i na raskope № LIX (Report on the works conducted on the Bolgar fortified settlement in 1977 on trench No. 4 at the boiler house of the reserve and on excavation No. LIX)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 55-1. КП-291 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1980. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 g. na transheyakh № 5–6 vodozabora i na raskopakh 72, 74 (pri transheyakh)* (Report on the works, conducted on the Bolgar fortified settlement in 1980 on trenches no. 5-6 of the water supply system and ditches 72, 74). Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 67-1. КП-406 (in Russian).

Aksenova, N. D., Poluboyarinova, M. D. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy)* (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bulgaria and the Golden Horde)). Kazan: "Shkola" Publ., 133–156 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 297–306. (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3*, 157–162 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Yavorskaya, L. V. 2022. In Strikalov, I. Yu. (ed.). *Russkiy srednevekovyy gorod. Arkheologiya. Kul'tura. K yubileyu Alekseya Vladimirovicha Chernetsova (Russian medieval city. Archaeology. Culture. To the anniversary of Aleksey Vladimirovich Chernetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 140–152 (in Russian).

Baranov, V. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar: Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 319–362 (in Russian).

Baranov, V. S. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 192–245 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 24* (2), 253–269 (in Russian).

Valiev, R. R., Badeev, D. Yu. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*, 137–143 (in Russian).

Volkov, I. V., Lopan, O. V., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 2* (44), 189–208 (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. *Zolotaya Orda i ee padenie (The Golden Horde and its fall)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Efimova, A. M. 1956. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 62*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 135–140 (in Russian).

Zheromsky, B. B. 1953. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 50*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 55–63 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (1)*, 172–189 (in Russian).

Mys'kov, E. P., Il'ina, O. A. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations) 3* (23), 218–228 (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–191 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1949. *Otchet Bolgarskoi ekspeditsii 1948 g. (Report of the Bolgar Expedition of 1948)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 219 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 2*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330–359 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 4–13 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Region)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1956. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 62. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 135–140 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

Yablonsky, L.T. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).

About the Author:

Badeev Denis Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.